

Сергей Монастырский

Простая жизнь

18+

Сергей Монастырский

Простая жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Монастырский С. С.

Простая жизнь / С. С. Монастырский — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

У героини этой повести была простая, ничем не примечательная жизнь. Впрочем, как и у большинства людей. Но, что же тут поделаешь...

Вспоминать о прошлом Римма не любила. Ну, не то, что не любила- боялась, гнала от себя эти мысли, потому что сразу хотелось плакать. Было жалко, что все ушло, что жизнь проходит...

Нет, лучше об этом не думать! Но как не думать, когда сидишь, целый день в пустой комнате, уставившись в телевизор, задремываешь, просыпаешься, снова задремываешь...

Читать она уже не могла – плохо видела, уже за девяносто – что вы хотите!

Все разнообразие – перебраться на кухню, что-то покушать. Да вечером, по пути с работы, на полчаса забегает сын. Обязательно принесет продукты, что-то подправит, подделает.

– На полчаса

– Ты бы посидел, поговорил...

– Мам, извини, дела еще, в другой раз.

Другого раза ждать долго. Потому, хочешь, не хочешь, а вспоминать хоть и грустно, но другого занятия нет.

Вот, что удивительно – самое ослепительное счастье в ее жизни – это война.

Ну, восемнадцать же лет! Все что видела до этого – рабочий поселок в таежной глухомани, маленькая деревянная школа, и, слава богу, успела выучиться до войны. Деревянный же клуб, где протекала вся так называемая личная жизнь, строгая мама, куча запретов – туда не ходи, приди во время, пойдя, помоги...

А, куда не ходи? За поселок и не выйдешь – тайга, да единственный большак, ведущий куда-то километров за пятьдесят, нет, не в город – в другой поселок. Вот и весь мир.

Ждала. Окончу школу – поеду учиться в город. Где этот город, и какой он – не представляла.

Какой город, какая учеба?! Через месяц после школы началась война. В те годы девять классов – все равно, что высшее образование. Ее направили на курсы, и через четыре месяца она была уже младшим лейтенантом. И вся ее юность, все пять восторженных девичьих лет прошли на войне. В одной и той же одежде – гимнастерка, юбка и кирзовые сапоги. Пистолет у нее был, но не разу за время войны она из него не выстрелила. Он был дан для самообороны, а не для победы над врагом. Врагов она просто не видела, так, из далека разве. Потому что служила она в войсках связи, а это были практически тыловые войска. Жили в окопах и в блиндажах, и, укрывшись, плащ-палатками в поле ночевали. Роскошью было провести несколько ночей в избах занятыми нашими войсками деревень.

Почему – то сама война, как таковая, не помнилась. В памяти ведь осталось самое лучшее. Как фотография, перед глазами встало озеро, с нависшими над водой ветками одуряющей пахнувшей черемухи и девчат ее женской роты, купавшихся в еще холодной воде, но все равно в какой – лишь бы отмыться от запаха пота. И хохочущие голоса ее девчат, бегавшие от радости неумной молодости по ночному берегу.

Парни из мужской роты, залегшие в полукилометре под строгим приказом – не приближаться, подглядывали, конечно, кое-кто и в бинокль, но приближаться не решались.

И вдруг зычный голос невесть откуда появившегося майора:

– Отставить! Кто разрешил?! Смирно!

И нелепая картина девяти совершенно голых девчат, автоматически застывших по стойке «смирно» перед командиром. Некоторые от испуга, отдавали честь.

– Отставить! – сообразив о нелепой ситуации, скомандовал майор и отвернувшись, почему-то строевым шагом, исчезнул в кустах.

... А как пахло клевером в поле, когда ротный в ходе переброски, давал час отдыха!

Стрекочут кузнечики, кружатся бабочки, она лежала в траве и ромашки заплетала в косы

... Клещи? Какие клещи! Слов то таких никто не слышал. Может, не было их в то время? Мыши были. В первый год войны не кому было убирать урожай- все на фронте, вот они и расплодились. На фронте сотнями умирали от мышинной болезни. Она тоже боялась заразиться. А что делать? Приказано залечь и ты утыкаешься лицом в землю, и чуть ли не по тебе пробегают полевые мыши. Но бог миловал.

Хотелось любить. Просило сердце, изнывало. Молодость – то проходит.

Были, были романы! Сейчас она и не помнила их лиц. Молодые лейтенанты, солдатики, жаркие слова, рука в руке, неумелые поцелуи... И больше – ни – ни! Война, какая любовь? А вдруг забеременеешь! Увольнение, позор! Может быть и трибунал – тебя, зачем на войну призвали? Родину защищать?

А где этот нечаянный юноша? Перевели куда – то. Или вообще убьют. Тогда о смерти говорили просто. Убивали ведь каждый день. Говорят, старшие офицеры приставали, и отказать было нельзя. Не знала Римма такого, не видела. А вот о том, как она тянула кабели, как устанавливала связь со штабами, о всяких там « Чайка, чайка я орел, словом о службе – не вспоминала. Не хотела. Ну, так, работа и работа.

Была она пышненькой, полногрудой, с веселыми кудряшками. Никогда ничего не читавшей, кроме книг по школьной программе, не знавшей музеев, театров, городской жизни. – Ну, не успела, война же!

... Далеко- далеко от нее, в большом городе, в еврейском местечке, рос интеллигентный еврейский мальчик Сема. Папы у него не было, но еврейская его мама, как все еврейские мамы души в сыне не чаявшая, вбивала в Сему все, чему сама была обучена.

Сема учился музыки, играл на флейте, посещал консерваторию. Сема четко знал, с какой стороны нужно класть вилку, а с какой нож, как галантно подать руку девушке. Учен был Сема и танцам, и неплохая собираемая поколениями библиотека была у него дома.

Сема надевал галстук и ходил в гости к тете Риве, затем после ужина с непременной шейкой индейки, чинно прогуливался по местечку с ее дочерьми – Соней и Раей.

Хороший был Сема мальчик... Война изменила его жизнь.

В военкомате, куда он пришел по повестке, веселый капитан, даже не взял у него документы, крикнул:

– Еврей?

– Еврей, – подтвердил Сема.

Капитан посмотрел в сторону начальника, сидевшего за последним столом.

– Бери и еврея, – сказал начальник, – на войне или убьют, или быстро русским станет.

При слове «убьют» Семе стало как-то плохо.

Но его не убили. Он дошел до Берлина и от тихого еврейского мальчика действительно, ни чего не осталось. Где флейта, где книги, где чинные прогулки с Ривиными девочками?! Грязь, пот, грохот орудий, мат – перемат в окопном штабе... Эти пять лет войны вышибли из него все предыдущие девятнадцать.

Был он худой, рыжий и носатый. Никогда в жизни, подумала Римма, да и не в первый раз подумала, они не могли бы встретиться на этой земле, если бы не война. Война перемешала все географические точки, худых и толстых, носатых и плосконосых, ну кого только не оказалось вместе в этом кипящем котле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.